

Леонид Григорьев

Армия порядочных бедняков.

«Огонек» 23-29 октября 2006, №43, стр. 10-11.

(авторский драфт)

Нобелевская премия Мира 2006 года отдана бизнесмену, который не мирил соседних племен и не лечил больных сам. Он получил ее по праву потому, что спас миллионы людей от бедности – одной из главных причин конфликтов. Мухаммад Юнус является абсолютным чемпионом по спасению людей и по праву стоит рядом с Пастером и другими изобретателями лекарств. Но он придумал, изготовил, применил, распространил лекарство от бедности в бедной стране. В богатой стране можно помочь бедным с помощью различных дотаций, но они не вечны. Можно перераспределить международную помощь, которой хватит на три года и бедность и конфликты вернуться. Или появятся конфликты за распределение помощи. Лауреат придумал, как помочь бедному экономическому организму с помощью гомеопатических доз кредита. Как выйти из самого низа, когда не на что купить лопату, семена, велосипед, чтобы начать свой бизнес! За тридцать лет микрокредиты стали массовым явлением в 90 странах мира, в них вложены миллиарды долларов и их возвращают почти как суверенный долг.

Ни в одной развитой стране бедному человеку без собственности (залога), дохода и кредитной истории кредита не дадут – этому мы учим на лекциях. Поэтому состоятельный слой отрывается от бедноты – в том числе и в России – по этой причине, как и по множеству других. Суть кредита в использовании его на инвестиции – Мухаммед Юнус стал первым давать маленькие деньги самым бедным, без толстого бизнес плана (иным и неграмотным) и без обеспечения. В нашей стране у банка не выпросишь – собираем по знакомым по-прежнему, чтобы не возиться с процентами (то есть это все-таки кредит). Так и стоим и не верим, друг другу – одни, что вернут – другие, что дадут. И Минфин следит за тем, чтобы платили налоги с театральных билетов – 13% за удовольствие.

Получатель премии Мира открыл мир микрокредитов, порядочных бедняков и возможности сдвинуть с места неподъемный камень бедности сначала в Бангладеш, потом и в других странах. Конечно, это не сделало мир немедленно богатым, но помогло стольким людям, что просто завидно. Это одновременно и социальная ответственность бизнеса в действии, и изобретение нового финансового инструмента.

Российская действительность непрерывно ставит вопрос о совместимости рынка и морали, морали и частной собственности, воздействия морали на экономику и экономики на мораль. В США появились первые работы, которые обсуждают эти проблемы. Некоторые базисные идеи – вполне понятны. Это выполнение обещаний – буквально всех обещаний на человеческом уровне как фактор экономике. Страна, в которой бедняк делает все возможное, чтобы отдать долг в 3 доллара, не безнадежна. Важно мораль «маленького человека» - предсказуемость качества его работы без контроля, готовность увязывать свой престиж с хорошей работой. Тут, конечно, ломка эпохи и хаос «раннего капитализма» в конце 20 века мало способствуют увязке жизненного успеха с кропотливой работой. Европейская цивилизация, в которой мы стремимся обосноваться, предполагает выполнение обещаний, отсюда надежность контрактов, отсюда выполнение неудобных обещаний и контрактов, потерявших выгодность (если нельзя найти юридическую уловку) там, где в неустойчивых обществах идет зачастую довольно откровенное уклонение от выполнения такого контракта.

Переходный период открыл возможности ломки морали, отказа не только от старой нормы, но и общей основы морали. Второй раз за 20 век (считая от Гражданки) авантюра и готовность принять новые правила игры поставила общество перед перевернутой возрастной моральной пирамидой. В нормальном обществе старшие поколения могут поддерживать передачу определенных правил морали молодежи не только путем домашнего воспитания, но и материально. Доказано предыдущими лауреатами Нобелевской премии по экономике, что прямо или косвенно, но поколение родителей кредитует поколение детей. В периоды революций все переворачивается. Особенно это заметно в последние пятнадцать лет – «дети» обыграли «отцов», стряхнули свои профессии и обеспечили семейное благосостояние по тем правилам, которые были даны эпохой. А эпоха предложила выигрыш бестрепетному. Потребуется поколение - другое, чтобы буржуазная мораль постепенно восторжествовала.

Естественно, огромную роль стал играть процесс рекрутирования собственника и предпринимателя из «социалистических классов и слоев». Тут многое зависело от целей Реформатора – развилка также была пройдена в пользу более предприимчивого и бестрепетного при установлении контроля над собственностью. При цели формирования ответственного рационального хозяина, средство оказалось неадекватно - распределение собственности достаточно хаотическим путем. Важно, что новый собственник одновременно не нес никаких обязательств, ничего не был должен никому, кроме своей удачи и сотоварищам. Не вдаваясь вновь в бесконечные детали, мы понимаем, что ядро новых собственников не вышло из интеллигенции, и было лишено морали «среднего класса». Массового собственника так и не появилось. Вторжение коррупции на фоне кризиса и бедности, недостаток легитимности собственности закрепили ситуацию, в которой новый собственник имел короткий горизонт планирования, мало обязательств и практически никаких общественных (внешних) ограничений на поведение. Но и внутренних стимулов у такого класса еще нет – такова наша «диспозиция» в конце первого этапа переходного периода.

В этой ситуации роль бизнеса в решении проблем страны (особенно социальных) оказалась размытой. Российское общество, образованное и имеющее перед глазами европейские институты и моральные нормы, оказалось в сложной ситуации – объективно оно нуждается в цивилизованном бизнесе для поддержания равновесия в треугольнике с государством. Но общество по своим притязаниям ближе к Европе, а бизнес – к раннему капитализму. Так мы и мучаемся, отсюда и слабость поддержки бизнеса со стороны общества в его неизбежных и вечных трениях с чиновничеством. Внутреннее состояние российского бизнеса, его мораль и внимание к проблемам общества в целом и в своем регионе, городе оказывается важнейшим фактором дальнейшего экономического и общественного развития. Бизнесу одновременно приходится противостоять ползучему огосударствлению и подозрениям общества, что он далек от заботы о том обществе, в котором он оперирует – так сказать, слишком либерален. Во многом успех частной собственности в России и – в конечном итоге – эффективность рыночного хозяйства нашей экономики во многом зависит от доверия общества к усилиям бизнеса не только к извлечению прибыли, но и к инвестициям, социальным факторам. Разумеется, речь идет о системных усилиях, а не рекламных компаниях. Общественное мнение, что новые собственники получили производственные активы страны без больших усилий, проблемы легитимизации собственности во многом лежат в сфере деловой этики, контрактной надежности, вниманию к проблемам регионального и социального развития. Бизнес эффективнее чиновничества может решать проблемы страны, сняв часть нагрузки с государства и подняв надежду у гражданского общества.

Мораль миллионера – это не частное дело нескольких десятков тысяч разбогатевших на переходном периоде людей – это фактор выбора между потреблением и накоплением, между показной роскошью и модернизацией страны. Без желания быть элитой счастливой страны трудно ждать внимания к трудным проблемам этой страны. Рентополучатели могут рассредоточиться по мировым курортам, но тогда их бизнес вечно будет в социально нестабильной остановке. Почти сто лет назад Моммзен получил Нобелевскую премию за историческую работу о Древнем Риме – теперь бизнесмен из Бангладеш получает премию Мира за простое изобретение и «счастье миллионов». А экономисты продолжают получать свои премии за сложные математические и логические теории. Нобелевский комитет решил компенсировать нехватку морали и добра в науке и дал премию за человеческое поведение миллионера, показав пример заботы бизнеса о своей стране и обществе.